

ГАЙ САЛЛЮСТИЙ КРИСП

ПИСЬМА К ЦЕЗАРЮ-СТАРЦУ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЛАХ (EPISTOLAE AD CAESAREM SENEM DE RE PUBLICA)

Перевод и комментарии С. Л. Утченко

ПИСЬМО II¹

1. Я знаю, как трудно и даже рискованно давать советы царю или полководцу, наконец, всякому смертному, могущество которого достигло наивысшего предела; ведь у таких людей и без того множество советников, да и кто в вопросах, касающихся будущего, может считать себя достаточно опытным и дальновидным? Бывает и так, что дурные советы скорее, чем хорошие, приводят к благоприятным результатам, ибо судьба, в большинстве случаев, распоряжается человеческими делами по своему произволу². Но у меня с юношеских лет было влечение к государственной деятельности, и я положил не мало упорного труда на изучение этих вопросов не за тем, конечно, чтобы добиться какого-нибудь поста (к чему многие стремятся, не брезгуя никакими средствами), но для того, чтобы основательно изучить государство и в мирной и в военной обстановке, изучить, какой армией, какими силами и средствами оно располагает³. И вот, после долгих размышлений наедине с самим собою, я решил отодвинуть на задний план свою репутацию и свою скромность и рискнуть на любую опасность, лишь бы послужить твоей славе. Я решился на это не случайно и не вследствие твоих удач, но потому, что обнаружил в тебе, наряду с другими качествами, одно, чрезвычайно удивительное: ты сохраняешь величие духа при несчастных обстоятельствах еще в большей степени, чем при удаче⁴. Но всем смертным прекрасно известно то,

¹ В переводе, так же как и в большинстве новейших изданий, письма печатаются в хронологическом порядке, нумерация же писем соответствует тому порядку, в котором они расположены в рукописи (см. стр. 230)

² Аналогичное воззрение на роль судьбы Саллюстий высказывает в «Заговоре Катилины»: «sed profecto fortuna in omni re dominatur: ea res cunctas ex libidine magis quam ex vero celebrat obscuratque» (Cat., 8, 1). Однако уже в более позднем «Письме к Цезарю» (см. Ерр., I, 1), а затем в прооemium к «Югуртинской войне» (Iug., 1) Саллюстий дает несколько иную трактовку вопроса о роли судьбы.

³ Ср. Sall., Cat., 3—4; Iug., 4. С этим местом перекликается также рассуждение Саллюстия из более позднего «Письма» по поводу причин гибели или возвышения государств (Ерр., I, 7).

⁴ Очевидно, намек на превратности Галльской войны, в частности, на то затруднительное положение, в котором Цезарь неоднократно оказывался во время галльского восстания 54—52 гг. и борьбы с Вердингеторигом (Caes., BG, VII, 1—9; Suet., Div. Iul., 24—25; Plut., Caes., 25—26; Dio, XL, 33—41; Liv., Ерр., 107).

что люди скорее устанут расточать хвалы и удивляться твоему великодушию, чем ты совершать дела, достойные славы (*sed per ceteros mortalis illa res clarior est, quod prius defessi sunt homines laudando atque admirando munificentiam tuam quam tu faciundo, quae gloria digna essent*)¹.

2. Я уверен, — нет ничего столь высокого, что не стало бы для тебя, по размышлению, вполне доступным. И я излагаю свои взгляды на государство не потому, что считаю собственное мнение и способность выдающимися, но потому, что решил напомнить тебе, занятому военными трудами, битвами, победами, командованием, о том, что делается в Риме². Если бы ты намеревался только защитить себя от нападков врагов и удержать милости народа вопреки воле враждебного консула³, то ты рассуждал бы недостойно твоей доблести. Но в тебе есть тот дух, с помощью которого ты еще в самом начале своей деятельности расстроил партию нобилитета⁴; римский плебс из жестокого рабства возродил к свободе, во время претуры⁵ невооруженной рукой рассеял врагов на войне и в мирное время совершил столько славных подвигов, что даже враги осмеливаются укорять в тебе только твое величие. Прими же мои высказывания по поводу наиболее важных вопросов из жизни государства; кое-что, вероятно, ты найдешь справедливым или, по крайней мере, недалеким от истины.

3: Гней Помпей, или вследствие испорченности своей природы, или потому, что всему другому предпочитал лишь то, что могло повредить лично тебе, дошел до такой степени падения, что дал оружие в руки врагам⁶.

¹ *Munificentia* близко по значению слову *clementia* — официальному лозунгу Цезаря, особенно в период гражданской войны. Ср. *Salh., Epp., I, 1*.

² В этой фразе содержится косвенное (хотя недостаточно точное) указание на дату раннего «Письма к Цезарю». Из него вытекает, что «Письмо» написано еще во время пребывания Цезаря в Галлии. О датировке «Писем» см. вступительную статью.

³ Под «враждебным консулом» Саллюстий, очевидно, подразумевает Гая Клавдия Марцелла, консула 50 г., который предложил в сенате объявить военное положение и передал Помпею командование над войсками (*А р р., BC, II, 31; Plu t., Pomp., 58; Caes., (Nigt.), BG, VIII, 55; BC, I, 2—4; Dio, XL, 64—66*). Менее вероятно, но не исключено, что Саллюстий здесь может иметь в виду Марка Клавдия Марцелла, консула 51 г. (дядя вышеупомянутого Марцелла), который первым открыл в сенате дипломатическую кампанию против Цезаря (*Suet., Div. Iul., 28*).

⁴ Имеется в виду тот ранний период политической деятельности Цезаря, когда он выступал в роли восстановителя партии популяров (демонстративное прославление Марья и Цинны, восстановление трофеев Марья на Капитолии, политические процессы против сулланцев в 64 г. и т. п.). См *Plu t., Caes., 5; Suet., Div. Iul., 5—6*.

⁵ Цезарь был избран претором на 62 г. Во время этой претуры он объединился с народным трибуном Квинтом Цецилием Метеллом Непотом, который пытался провести решение, призывающее Помпея с его армией в Рим. Катон, который в это время также был народным трибуном, воспротивился принятию этого законопроекта. Разгорелась напряженная борьба, в результате которой сенат издал постановление (*senatus consultum*), отрешающее Цезаря и Метелла от должностей (*Plu t., Cato min., 26—29; Suet., Div. Iul., 14 сл.*). Метелл после этого бежал из Рима, Цезарь же, наоборот, остался в дел чрезвычайно ловкую демагогическую политику. Он отпустил своих ликторов, снял тогу-претексту и почти не выходил из дому. Он даже отказался от предложения собравшейся и сочувственно настроенной к нему толпы быть водворенным силой на свою должность. Эта сдержанная и расчетливая политика дала свои результаты, сенат через некоторое время, видимо, под давлением общественного мнения, был вынужден вынести решение о восстановлении в должности как Цезаря, так и Метелла. Саллюстий, говоря о «мирной победе» над врагом, очевидно, имеет в виду именно этот эпизод.

⁶ Имеется в виду третий консулат Помпея. В 52 г. по предложению Марка Бибула, которого поддержал Катон (*Suet., Div. Iul., 26; Plu t., Pomp., 54; Caes., 28; Cato min., 47; А р р., BC, II, 23; Dio, XL, 50*), Помпей, вопреки обычаю, был избран консулом *sine collega*, что являлось, по существу говоря, смягченной формой диктатуры. Под «врагами» государства, а ниже — под «немногими сенаторами» Саллюстий, очевидно, подразумевает здесь того же Катона, Бибула, а, может быть, также Цицерона и Гортензия.

Ты должен восстановить государство теми же средствами, какими он его расстроил. Так, прежде всего, он передал немногим сенаторам высшую власть в области управления налогами, государственными расходами и судами¹, римский же плебс, который до этого обладал верховной властью², остается на положении рабов и лишен даже равенства перед законом. Хотя судебная власть считается, как и ранее, принадлежащей трем сословиям³, однако всем правит эта клика, даруя что угодно и что угодно отнимая, обходя людей достойных и выдвигая на почетные и ответственные должности своих ставленников. Ни злодеяния, ни позорные и бесчестные поступки не мешают им захватывать магистратуры — они тащат и хватают все, что попадется им под руку и, словно в городе, взятом приступом, руководствуются не законами, а собственным произволом. Но мне было бы менее досадно, если бы они, по своему обычаю, использовали для угнетения других победу, доставшуюся им благодаря доблести. Но будучи людьми абсолютно бездарными, вся сила и доблесть которых заключается только в их многословии, они злоупотребляют властью, доставшейся им благодаря беспечности и нерадивости других. Какие еще смуты и мятежи истребили столько знаменитых семейств? Кто и когда был столь же опрометчив и необуздан в своем торжестве?

4. Луций Сулла, которому его победа, по законам войны, давала право на все, хоть и знал, что казнию врагов укрепит свою партию, однако, истребив немногих, предпочел воздействовать на остальных милостями, а не страхом⁴. Ныне, клянусь Геркулесом, при Марке Катоне⁵, Луции Домиции⁶ и прочих из этой же клики, сорок сенаторов и, кроме того, много молодых людей, подававших хорошие надежды, закланы как жертвенные

¹ Видимо, намек на выделение сенатом 1000 талантов ежегодно для содержания легионов Помпея (D i o, XI, 56; P l u t., Romp., 55; Caes., 28; A p p., BC, II, 24) и на проведенный Помпеем пересмотр списков судей. О далеко не беспристрастном поведении самого Помпея во время судебных процессов над близкими ему лицами, в частности и его тестем и будущим коллегой по консульству Квинтом Метеллом Сципионом см. P l u t., Romp. 55; A p p., BC, II, 24—25; V a l. M a x., IX, 5, 3. Недаром T a c i t называл его «suarum legum auctor idem ac subversor» (Ann., III, 28).

² Ср. с рассуждением, приводимом ниже (Epp., II, 5): «antea in patribus summa auctoritas erat, vis multo maxima in plebe».

³ Имеется в виду закон (lex A u r e l i a), проведенный в 70 г. в консульство Помпея и Красса, по которому постоянные судебные комиссии составлялись из представителей трех сословий: 1/3 сенаторов, 1/3 всадников и 1/3 эрарных трибунов (C i c., ad Att., I, 16, 3; P h i l., I, 8, 20; A s c., стр. 16; 30; 53; 67; 78; 90).

⁴ В данном месте «Письма» Саллюстий, явно искажая факты и обеляя Суллу, видимо, преследовал единственную цель: как можно в более отрицательном свете выставить действия Помпея и его сторонников. В «Заговоре Катилины» дается, например, совершенно иная характеристика Суллы и его деятельности (S a l l., Cat., 11).

⁵ В 54 г. Луций Домиций был консулом (P l u t., Cato min., 44), а Катон — претором (P l u t., Cato min., 42; C i c., Vat., 16). Но и после этого оба они продолжали играть крупную роль в политической жизни Рима, вплоть до гражданской войны. Марк Порций Катон Утический или Младший (правнук Катона-цензора) был видным представителем республиканско-аристократических кругов Рима. Последователь стоической философии (C i c., ad Att., XIII, 19; P l u t., Cato min., 6), один из наиболее опасных противников Цезаря (последний даже написал против него не дошедший до нас политический памфлет «Anticato»), после разгрома Помпея в Греции Катон пытался организовать сопротивление Цезарю в Африке и обосновался в Утике. Когда Цезарь разбил помпейцев при Тапсе, Катон покончил жизнь самоубийством (P l u t., Cato min., 65 сл.).

⁶ Луций Домиций Агенобарб, консул 54 г., непримиримый враг Цезаря, преемником которого он был назначен в Галлию (C a e s., BC, I, 6). В самом начале гражданской войны попал в руки Цезаря, который, будучи верен своему лозунгу clementia, отпустил его. Сражался против Цезаря в битве при Фарсале, где и погиб (C a e s., BC, III, 99; A p p., BC, II, 82; C i c., P h i l., II, 29, 71).

животные¹, и все-таки эта наглая порода людей еще не насытилась кровью стольких несчастных граждан. Ни осиротелые дети, ни престарелый возраст родителей, ни стоны мужей, ни вопли женщин не тронули их ожесточившегося духа, наоборот, черствая день ото дня в своих злодеяниях, они посягают то на достоинство одних, то на гражданские права других². Что же касается тебя, то за твое унижение эти трусы и бездельники готовы, если б только было возможно, продать свою жизнь. Им не столь желанна власть (к тому же доставшаяся им совершенно неожиданно), сколь прискорбно твое величие. Они охотнее подвергнут опасности свободу вследствие твоей гибели³, чем допустят, чтобы благодаря тебе еще более возросло могущество римского народа. Поэтому ты должен еще и еще раз обдумать тот способ, которым ты рассчитываешь укрепить и упрочить государство. Я же не усомнюсь высказать все то, что доступно моему разумению, предоставив, конечно, всецело тебе решение вопроса о том, что ты сочтешь для себя приемлемым и удобоисполнимым.

5. Я полагаю, что государство разделено на две части, как я узнал от предков, на патрициев и плебс⁴. Прежде у патрициев был высший авторитет, сила же много большая — у плебса (*antea in patribus summa auctoritas erat, vis multo maxima in plebe*)⁵. В государстве часто происходили сессии⁶, и постоянно силы нобилитета уменьшались, а права народа возрастали. Плебс действовал тем свободнее, что никто не злоупотреблял властью, попирая законы, и знатный превосходил незнатного не богатствами или надменностью, но доброй славой и мужественными подвигами. Каждый, *даже* самый низкороджденный, на поле брани, не занимаясь никаким особенно почетным делом, мог достаточно *принести пользы* и себе и своему отечеству⁷. Но когда их [плебеев], малопомалу согнанных со своих земель⁸, бездельность и нужда довели

¹ Это место ставит в тупик всех комментаторов. О каком избиении 40 (!?) сенаторов говорит Саллюстий — неизвестно, так как ни один из древних авторов больше об этом не упоминает, известие же самого Саллюстия слишком лапидарно, чтобы на основании его можно было прийти к каким-нибудь определенным выводам. Высказывались предположения, что факт избиения сенаторов измышлен Саллюстием, так как трудно думать, чтобы такое крупное событие осталось неотмеченным у других историков. Но не менее трудно предположить, что Саллюстий, говоря о событиях, видимо, современных читателям его «Письма», мог столь безответственно оперировать вымышленными фактами.

² Саллюстий здесь, очевидно, подразумевает ряд судебных процессов и изгнаний цезарианцев в период третьего консулата Помпея (A p p., BC, II, 24; P l u t., Pomp., 55; C i c., Phil., VI, 4; X; 10; XI, 6; XIII, 12; ad Att., XIV, 13; Mil., 13, 33; D i o., XL, 53). Кроме того, Саллюстий, может быть, имеет в виду деятельность цензора Аппия Клавдия Пульхра, который провел в 50 г. *lectio senatus*, исключив из него детей вольноотпущенников, а также ряд лиц, обвиненных в беззастенчивом образе жизни, в том числе и самого Саллюстия (D i o., XL, 43; C i c., ad Att., VI, 9, 5; G e l l., XVII, 18).

³ Таким образом, Цезарь трактуется здесь как освободитель и восстановитель республики, а его гибель отождествляется с гибелью свободы. Ср. E p p., I, 6: «*quare capesse, per deos, rem publicam et omnia aspera, uti soles, pervade. Namque aut tu mederi potes aut omittenda est cura omnibus.*»

⁴ Ср. S a l l. lug., 41; Hist., I, fr. 11.

⁵ Ср. E p p., II, 10: «*igitur ubi plebs senatui, sicuti corpus animo oboedit eiusque consulta exsequitur...*»

⁶ Ср. Hist., I, fr. 11. Согласно традиции, первая сессия, приведшая к возникновению народного трибуна (L i v., II, 32 сл.), произошла в 494 г.; вторая, в силу которой децемвиры якобы были отрешены от должности, — в 449 г. (L i v., III, 50 сл.).

⁷ Ср. это описание с картиной «золотого века» римской истории в «Заговоре Катилины» (S a l l., Cat., 7).

⁸ Таким образом, причиной разложения плебса Саллюстий считает утерю земельных участков, и соответственно этому первая из предлагаемых им реформ (см. ниже, в этой же главе) сводится к увеличению числа граждан и наделению их землей в новых колониях. Интересно отметить, что причина разращения плебса лежит

до того, что они лишились даже постоянного жилья, они начали домогаться чужих богатств и торговать свободой не только своей, но и государства. Так постепенно народ, который был господином и повелевал всеми остальными племенами, пришел в упадок; вместо разделяемой всеми власти каждый в отдельности создал себе рабство. Таким образом, эта толпа (*multitudo*), во-первых, развращенная дурными обычаями, во-вторых, кочующая с места на место, вследствие различных профессий и образа жизни не имеющая никакого внутреннего единства, весьма мало способна, как мне кажется, к управлению государством (*parum mihi quidem idonea videtur ad carpendendam rem publicam*)¹. Впрочем, я питаю большие надежды на то, что при добавлении новых граждан все воспрянут к свободе: у новых граждан возникнет стремление удержать полученную свободу, у старых такое же стремление к низвержению рабства. Я предлагаю тебе, перемешав этих новых граждан со старыми, организовать их в виде колоний; таким образом, и военное дело от этого выиграет, и плебс, занятый полезной деятельностью (*bonis negotiis*), перестанет вредить государству².

6. Я прекрасно знаю и предвижу, какая буря негодования подымется среди нобилитета, если только ты приступишь к осуществлению этого мероприятия. Они вознегодуют, говоря, что тем самым государство будет потрясено до основания, что на старых гражданах будут наложены оковы рабства, и, наконец, что свободное государство превратится в тиранию, если по милости одного множество людей будет включено в состав граждан. Что касается меня, то, по моему убеждению, тот, кто добивается своего личного блага во вред государству, тот лишь причиняет зло самому себе, но если благо государства совпадает с частным, то в подобном случае колебаться и не приступать к делу я считаю просто малодушным. Марк Ливий Друз³ во время своего трибуната всегда и изо всех сил стремился найти опору в нобилитете и вначале все, что он ни предпринимал, было предпринято по их [нобилей] инициативе⁴. Но эти интриганы, для которых обман и коварство дороже чести, решили, что слишком великое благо будет дано многим людям по милости одного и, очевидно сознавая относительно себя, насколько они испорчены и коварны, стали судить по себе и о Марке Ливии Друзе. Боясь как бы он, вследствие своей популярности, не овладел одной властью в государстве, они начали противодействовать ему и тем самым погубили и его и свои собственные планы. Что касается тебя, император, тебе следует с гораздо большей тщательностью и старанием подготовить себе друзей и опору.

ние его самого, а потому и не может быть «врожденной» плебсу (ср. с тезисом о прирожденности зла побилятету. См. Hist., I, fr. 7).

¹ Ср. Sall., Jug., 31, 11—12. а также развернутое обоснование суверенности прав народа в речи народного трибуна Липция Марка (Hist., III, fr. 48, 6—20).

² Ср. Epp., I, 7: «igitur provideas oportet, uti plebs, largitionibus et publico frumento corrupta habeat negotia sua, quibus ab malo publico detineatur».

³ Имеется в виду народный трибун 91 г. Марк Ливий Друз Младший. Хотя по своим взглядам и личным связям Ливий Друз был близок оптиматам, он выступил с рядом законопроектов, направленных против олигархической верхушки. Так, например, он предлагал реформировать суды, заменив в них всадников сенаторами, но одновременно расширив состав сената за счет представителей всаднического сословия. Другим мероприятием Друза была продажа хлеба по удешевленным ценам и предложение о выделении для новых колоний еще неиспользованной части италийского земельного фонда. Попытка Друза вновь возбудить союзнический вопрос и даровать права римского гражданства союзникам погубила его. Вскоре после проведения *lex de civitate sociis danda* через народное собрание Ливий Друз был убит. Его смерть послужила сигналом к восстанию, известному под именем Союзнической войны (A p p., BC, I, 35; C i c., Legg., II, 6; de or., I, 7; III, 1; Mil., 7; A u r. V i c t., Vir. ill., 36).

⁴ Ср. с характеристикой, которую дает Ливию Друзу Ц и ц е р о н (de or., I, 7).

7. Энергичному и храброму человеку легко одолеть врага в открытой борьбе, но людям достойным столь же трудно избежать тайных опасностей, сколь несвойственно их готовить. Итак, когда ты примешь в общество новых граждан, и плебс будет восстановлен в своих правах, приложи все усилия к тому, чтобы почитались добрые нравы и укреплялось согласие между старыми и новыми гражданами. Но величайшее благо сотворил бы ты для отечества, сограждан, для самого себя и потомства, наконец, для всего человечества, если бы ты искоренил или, если этого не позволяют обстоятельства, по крайней мере уменьшил страсть к деньгам (*si studium pecuniae aut sustuleris aut quoad res feret minueris*)¹. Иначе не будет порядка ни в частных, ни в общественных делах, ни в мирное время, ни на войне, ибо где господствует эта пагубная страсть, там уже не имеют никакого значения науки, искусства, дарования, рано или поздно, но она окончательно порабощает рассудок. Не раз я слышал о том, что цари, государства и народы, живя в изобилии, утрачивали то могущество, которое они приобрели исключительно своей доблестью, еще не имея богатств (*saepe iam audivi, qui reges, quae civitates et nationes per opulentiam magna imperia amiserint, quae per virtutem inopes sererant*)². И это вовсе не удивительно: если честный человек видит, что недостойный становится знаменит и все более уважаем из-за своего богатства, то он сначала негодует, колеблется в нерешительности, но там, где суетная слава побеждает честь, а богатства — доблесть, там дух человеческий легко изменяет истине в угоду наслаждению. Ибо и полезная деятельность питается жаждой славы, отними ее — сама по себе добродетель сурова и горька³. Там же, где славу доставляет лишь богатство, там все становится продажным: честность, порядочность, совесть и стыд. К добродетели одна и к тому же крутая дорога, к обогащению каждый может избрать ту, которая ему по вкусу, ибо богатства создаются как хорошими, так и дурными средствами. Итак, прежде всего следует уничтожить значение денег (*ergo in primis auctoritatem pecuniae demito*), чтобы права и положение граждан не определялись их богатством и чтобы при избрании консулов и преторов учитывалось не состояние, а достоинства кандидатов⁴. О магистратах, бесспорно должен выносить свое решение народ. Избрание судей немногими означает, по существу, монархию⁵, а если они избираются в зависимости от их богатства, то это несправедливо и постыдно. Поэтому пусть судебная власть будет достоянием граждан первого класса (*quare omnes primae classis iudicare placet*), но в больших размерах, чем ныне⁶. У родосцев и в других государствах никогда не высказывалось недовольства судами, ибо там безразлично, богатый и бедный, кому выпадет жребий, выносят свои решения и по незначительным и по важнейшим делам⁷. Что касается избрания магистратов, то мне кажется вполне

¹ Ср. Epp., I, 7: «... si pecuniae... usum atque decus dempseris».

² Ср. Epp., I, 7: «nam saepe ego quom animo meo reputans quibus quisque rebus clari viri magnitudinem invenissent...» и т. п.

³ Данное воззрение является чрезвычайно типичным для Саллюстия. Ср. с другими высказываниями Саллюстия о славе, главным образом в «Заговоре Катилины» (S a l l., Cat., 1, 3; 1, 4; 2, 9; 11, 2; 52, 22).

⁴ Ср. Epp., I, 5: «ea vera atque simplex via est, magistratum populo, non creditorum gerere...» и т. п.

⁵ Ср. P l u t., G. Gr., 5. Саллюстий здесь снова намекает на «тиранию» Помпея (см. стр. 257, прим. 1).

⁶ Предложение Саллюстия сводится, таким образом, к оставлению существующего порядка выбора судей из граждан первого класса и лишь к некоторому увеличению их числа.

⁷ Однако только что высказанное предложение Саллюстия: «quare omnes primae classis iudicare placet» едва ли может толковаться как обеспечение участия в судах «богатых» и «бедных» без различия!

приемлемым закон, который обнародовал во время своего трибуната *Гай Гракх*¹: из граждан всех пяти классов цензурии вызываются для голосования по жребию. Таким образом, все граждане, уравненные в смысле своего достоинства и своего состояния, будут стремиться превзойти друг друга только доблестью.

8. Это, как я полагаю, лучшее средство борьбы против пагубного влияния богатства. Ибо всегда все то, что ценится нами и служит предметом наших стремлений, является таковым, поскольку из этого можно извлечь пользу, ибо и злые поступки делаются ради выгоды. Если отнимешь ее — никто не будет творить зла напрасно². Но корыстолюбие — дикий зверь, чудовищная и беспощадная страсть, и там, где она царит, она опустошает города, поля, храмы и жилища; божественное смешивает с человеческим; ни войско, ни стены не устоят против ее натиска; она крадет у людей доброе имя, стыд, детей, отечество, родителей. Поистине, если ты отнимешь у денег их привлекательность, то все это огромное могущество корыстолюбия будет легко побеждено добрыми нравами³. И хотя все твои друзья и недруги прекрасно понимают, что дело заключается именно в этом, однако тебе предстоит немалая борьба с партией нобилитета. Если ты сумеешь избежать их козней, то все остальное не представляет затруднений. Ибо этим людям, если бы только они в достаточной степени обладали доблестью, следовало бы скорее соревноваться с достойными гражданами, чем завидовать им. Но так как они предались лени и бездействию, так как они охвачены оцепенелостью и бесчувствием, поэтому лишь шумят, завидуют и доброе имя другого считают позором для самих себя.

9. Но к чему мне распространяться о том, что и так достаточно известно? Энергия и сила духа *Марка Бибула*⁴ достаточно проявились во время его консульства: косноязычный, имея ум злобный и неповоротливый, на что же он может рассчитывать, он, для кого высшая власть, которую дает звание консула, оказалась величайшим позором? Не *Луций* ли *Домиций*⁵ обладает этой силой, каждый член которого запятнан преступлением и позором: хвастливый язык, обгаренные кровью руки, ноги, приспособленные лишь к бегству, не говоря уже о том, что непристойно и называть. Я отнюдь не отрицаю ораторского таланта, ловкости и тонкости ума *Марка Катона*⁶. Но все это — плоды греческого образования, а ведь доблесть, бдительность, трудолюбие грекам неизвестны. Да и можно ли принять наставления о том, как следует хранить власть от тех, кто свою собственную свободу утратил вследствие бездействия и лени? Остальные из этой клики еще более бездарны, — в них, словно в статуях, нет ничего примечательного, кроме имени. *Луций Постумий*⁷ и *Марк Фавоний*⁸ представляются мне как бы лишним грузом на большом

¹ Об этом законе *Гая Гракха* упоминает только *Саллюстий*.

² Таким образом, *Саллюстий* высказывается здесь против прирожденности зла человеку; ср. *Hist.*, I, fr. 7 (см. стр. 258, прим. 8).

³ См. стр. 260, прим. 1. Предыдущее рассуждение о корыстолюбии ср. с *Sall.*, *Cat.*, 10—11; *Iug.*, 41.

⁴ *Марк Кальпурний Бибул* был в 59 г. консулом вместе с *Цезарем* и пытался сопротивляться его мероприятиям, но безуспешно. *Цезарь* с ним совершенно не считался (*Suet.*, *Div. Iul.*, 9; 20; *Cic.*, *pro domo*, 15). В дальнейшем активно поддерживал *Помпея* (*Plut.*, *Cato min.*, 47).

⁵ См. стр. 257, прим. 6.

⁶ Очевидно, некоторый намек и противопоставление *Марка Катона Младшего* его знаменитому прадеду — *Марку Катону Цензору*. См. стр. 257, прим. 5.

⁷ *Луций Постумий* ничем нам неизвестен. Очевидно, как представитель старинного аристократического рода, был близок к оптиматам.

⁸ *Марк Фавоний*, поклонник *Катона Цензора*, сенатор (*Plut.*, *Cato min.*, 32), был противником триумвиров, и в частности, *Помпея*. В 53 г. был избран эдлом

корабле, — пока все идет благополучно, этот груз может быть даже использован, но как только возникнет опасность, его прежде всего выбросят за борт, так как ценность его ничтожна.

10. Теперь, поскольку я изложил свои взгляды относительно обновления и исправления плебса, скажу тебе то, что касается сената¹. Уже несколько возмужав и окрепнув духом, я стал уделять физическим упражнениям, военной делу и верховой езде сравнительно немного времени, предпочитая изощрять свой ум изучением наук и литературы. Я стремился развить занятиями ту часть моего существа, которую природа одарила наибольшими возможностями. Вследствие такого образа жизни, на основании чтения и собственного опыта, я убедился, что все государства, общины и народы до тех пор благополучно пользовались властью, пока у них преобладали основы справедливости и благоразумия. Там же, где они были подорваны страхом, подобострастием и чувственными наслаждениями, там вскоре после этого наступал упадок, потеря власти и, наконец, рабство. Я считаю, что тот, кто занимает в государстве более высокое и более блестящее, по сравнению с другими, положение, тот и должен проявлять наибольшую заботу о государственных делах².

Для остальных граждан с благополучием государства связана только их свобода. Но не так обстоит с теми, кто доблестью создал себе богатства, почет, положение (*qui per virtutem sibi divitias, decus, honorem peregerunt*). Малейшее потрясение в государстве неизбежно влечет для них множество трудов и забот. Они должны защищать свою честь, свободу и семью. Им следует быть повсюду, использовать каждый момент. Чем более они ощущали процветание государства, тем более горечи и беспокойства припесет им его падение. Итак, если плебс подчиняется сенату, как тело душе (*igitur ubi plebs senatui, sicuti corpus animo oboedit*)³, и следует его постановлениям (*eiusque consulta exsequitur*), то патриции должны выдаваться своим благоразумием и политической дальновидностью, для народа же эти качества излишни⁴. Так, наши предки под бременем жесточайших войн, утратив воинов, конницу, средства, тем не менее продолжали неустанно бороться за власть с оружием в руках.

(Plut., Cato min., 46). Перед началом гражданской войны был резко настроен против соглашения с Цезарем и перешел на сторону Помпея. После его гибели вернулся в Рим и был помилован Цезарем (Plut., Rompr., 67; 71; Caes., BC, III, 56; 58); хотя он и не принимал прямого участия в заговоре против Цезаря, но был скомпрометирован близостью к заговорщикам. При Филиппах попал в плен к триумвирам и по приказанию Октавиана был казнен (Suet., Aug., 13). Тот факт, что Саллюстий упоминает о нем, как о противнике Цезаря, подтверждает предположение о датировке этого «Письма» 51—50 гг., ибо Фавоний примкнул к Помпею не ранее этого времени.

¹ Здесь явственно проступает проводимое самым Саллюстием деление проектов реформ «Письма» на две части: а) меры, необходимые для обновления «народа» и б) меры, необходимые для обновления сената. От этого зависит и общая структура «Письма»: а) вступление, характеристика современной обстановки (главы 1—4); б) исторический экскурс, картина разложения Римского государства (глава 5); в) проекты реформ, меры по обновлению плебса (главы 5—9); г) проекты реформ; меры по обновлению сената (главы 10—12); д) заключение, *captatio benevolentiae*.

² Ср. с рассуждением Цицерона о равенстве прав и «градации по достоинству» (*de rep.*, I, 27, 43), как об одном из условий устойчивости смешанной формы государственного устройства (там же, I, 45, 69).

³ Основной этого положения является учение Саллюстия о дуализме человеческой природы и о приоритете души над телом (ср. Ерр. 1, 8; Cat., 1, 2; Iug., 1—2). Особенно наглядно формула «Письма» «*plebs senatui sicuti corpus animo oboedit*» (Ерр., II, 10) перекликается со словами: «*animi imperio, corporis servitio magis utimur*» (Cat., 1, 2). Пользуясь этими двумя формулами, Саллюстий свое учение о приоритете духа над телом распространяет и на сферу государственной жизни.

⁴ Ср. с утверждением, высказанным в главе 5 данного «Письма»: «*multitudo ... parum mihi quidem idonea videtur ad capessendam rem publicam*». См. стр. 258, прим. 5.

Ни бедность казны, ни силы врагов, ни неблагоприятные обстоятельства не могли сломить их могучего духа, ибо они решили удерживать до последнего вздоха то, что было завоевано их доблестью. Это им удалось, причем скорее благодаря разумным мероприятиям, чем успешным войнам. У них была одна цель, которой они все служили, — благо отечества. Они объединялись только против врагов (*factio contra hostis parabatur*)¹; дарования души и тела каждый стремился использовать не для своего личного могущества, а на пользу родины. В наше время, наоборот, люди знатного происхождения управляют всеми народами благодаря своей надменности. Их души охвачены вялостью и бездействием, они ненавидят труд, они не имеют понятия о войне и борьбе с врагами на поле битвы, но зато изощрены во всяких внутренних интригах. Сенаторы, благодаря которым когда-то было опорой отечества, подавлены и в зависимости от чужой прихоти колеблются то в одну, то в другую сторону, считая благом или злом для государства то, что им предписывает надменность их повелителей.

11. Если бы все одинаково пользовались свободой или существовало бы тайное голосование, то силы государства несомненно возросли, а могущество нобилитета уменьшилось. Однако очень не легко уравнивать всех в смысле значения и влияния. Некоторые унаследовали еще от предков завоеванную их доблестью славу, почетное положение, массу клиентов, другие же — и таких большинство — недавно включены в число сенаторов. Поэтому следует дать возможность всем выносить свои решения независимо и без страха. При соблюдении тайны голосования каждый будет ценить собственное мнение выше могущества других. Свобода одинаково дорога дурным и хорошим гражданам, деятельным и ленивым; большинство людей изменяет ей лишь из чувства страха. Безрасудные люди! вследствие своей бездеятельности они, уже словно побежденные, принимают рабство, тогда как если бы они боролись, то еще неизвестно, каков бы был исход этой борьбы! Итак, я полагаю, что сенат можно укрепить двумя способами: увеличением числа сенаторов и введением голосования (*sententiam*) на табличках². Голосование табличками облегчит независимое высказывание мнений, а увеличение числа сенаторов послужит им самим как бы защитой и на пользу дела. Ибо в последнее время одни из них, занятые в судах, другие — ведением своих частных дел или дел своих друзей, не принимают достаточного участия в обсуждении государственных вопросов. Но, по существу, их удерживают от этого не столько частные занятия, сколько господство надменной клики. Люди знатного происхождения с небольшим количеством сенаторов, которых они вовлекли в свою партию, одобряют, отвергают, постановляют все, что им угодно, действуя исключительно по собственному произволу. Но когда будет увеличено число сенаторов и введено голосование табличками, то они утратят всю свою надменность, ибо им придется подчиниться тем, над которыми они до сих пор столь безжалостно господствовали.

¹ Если во времена предков *factio* создавалась только *contra hostes*, то начало разложения государства ознаменовано борьбой *factiones* внутри *ero*. См. Sall., Jug., 41: «*ceterum mos partium popularium et senati factionum, ac deinde omnium malarum artium, paucis ante annis Romae ortus est*» или: «*ita omnia in duas partes abstracta sunt*».

² Под «голосованием на табличках» Саллюстий подразумевает тайное голосование. Обычно голосование в сенате было открытым и осуществлялось путем *discessio*, т. е. сенаторы, оставляя свои места, переходили на сторону того, с чьим предложением они были согласны (*pedibus ire in sententiam alicuius*). Относительно мероприятий Цезаря по увеличению числа сенаторов (Suet., Div. Jul., 41; Dio, XLII, 51; P. S. C. A. E. S. V. Afr., 28) см. вступительную статью.

12. Может быть, император¹, прочтя это письмо, ты захочешь узнать, насколько следует увеличить число сенаторов и каким образом распределить между ними разнообразные занятия и обязанности. Кроме того, поскольку я считаю нужным передать судебную власть первому классу, ты, может быть, захочешь также узнать, как организовать ведение судебных дел и каково должно быть число судей для каждого рода судопроизводства. Все это я мог бы описать без труда и подробнейшим образом, но я решил прежде всего изложить свои принципиальные соображения и представить их на твое усмотрение: если только ты изберешь этот путь, все остальное будет к твоим услугам. Я хочу, чтобы мои советы оказались благоразумными и принесли наибольшую пользу, ибо если твои дела пойдут успешно, то и мне от этого будет добрая слава. Но мое самое страстное желание состоит в том, чтобы каким угодно способом и как можно скорее государство было восстановлено; свободу я ценю более славы. Но, прошу и заклинаю тебя, прославленный полководец, покоритель галльских племен², не допусти, чтобы могущество великого и непобедимого народа римского истлело как бы от дряхлости и погибло вследствие внутренних смут. В самом деле, если б только это случилось, то угрызения совести не дали бы тебе покоя ни днем, ни ночью. Терзаемый бессонницей, в бешенстве, ты будешь гоним собственным безумием — ибо я твердо уверен, что жизнь всех смертных открыта взору богов и ни один поступок, как дурной, так и хороший, не пропадет даром, но сама природа вознаграждает людей по заслугам. Иногда, случайно, возмездие может запоздать, но каждый, в соответствии со своей совестью, прекрасно знает, на что ему следует надеяться.

13. Если бы родина и предки могли говорить с тобой, они, несомненно, сказали бы тебе следующее³: О, Цезарь, мы, храбрейшие мужи, породили тебя на свет в славнейшем городе, как украшение и защиту для нас, как ужас для врагов! То, что мы добыли с многими трудами и опасностями, все это мы передали тебе в момент твоего рождения, одновременно с первым твоим вздохом; отечество, величайшее в мире, дом и семью, знаменитейшие в нашем отечестве⁴, кроме того, достойные навыки, честно нажитые богатства⁵ и, наконец, все знаки отличия мирного времени и все награды войны. За эти величайшие благодеяния мы требуем от тебя не позорных поступков, не злодеяний, но восстановления низвергнутой свободы. Если ты это исполнишь, слава о твоей доблести разнесется по всем странам и народам, ибо в настоящее время, хотя ты свершил много прекрасных подвигов как на войне, так и в мирной обстановке, твоя слава равна славе многих отважных мужей; но если ты действительно восстановишь город со знаменитейшим именем и величайшим могуществом, ныне уже близкий к упадку, то кто на всей земле будет славнее, кто будет величественнее тебя? Потому что, если от неизлечимого недуга или по воле судьбы этому могуществу придет конец, то можно ли усомниться в том, что во всем мире начнутся опустошения, войны, убийства? Но если у тебя

¹ Imperator — почетный военный титул.

² Эта фраза, быть может, является косвенным указанием на время написания «Письма» (после окончания Галльской войны), хотя она и недостаточно определена.

³ С этого обращения начинается заключительная часть «Письма», написанная в характерном жанре *captatio benevolentiae*.

⁴ Имеется в виду древность и знатность рода Юлиев, который, как известно, возводился к легендарному Асканию-Юлу, сыну Энея, основателю Альбы-Лонги (Liv., I, 3).

⁵ Таким образом, все тирады Саллюстия против богатства и денег направлены лишь против богатств, приобретенных «печетным» и «несправедливым» путем. Ср. с высказыванием Саллюстия в главе 10 данного «Письма»: «qui per virtutem sibi divitias honorem pepererunt» и т. д.

будет доброе желание облагодетельствовать отечество и предков, то в дальнейшем, по восстановлении государства, слава твоя окажется превыше славы всех смертных, и только твоя смерть будет славнее жизни. Ибо пока человек жив, он зависит от прихотей судьбы, от зависти, но когда он уходит на покой, завистники умолкают и слава о его доблести растет год от года ¹. Итак, я изложил, как можно короче то, что мне показалось наиболее полезным для дела, и то, что тебе, я уверен, может пригодиться ². Впрочем, я молю бессмертных богов, чтобы все твои начинания, каким бы образом ты ни действовал, имели счастливый исход как для тебя, так и для государства ³.

ПИСЬМО I

1. Раньше существовала уверенность в том, что власть и царства, а также все остальные блага, к которым столь жадно стремятся смертные, судьба раздает как бы по своему произволу, ибо они часто достаются недостойным и ни у кого не пребывают долговечно. ²Но опыт учит нас тому, что прав Аппий ⁴, говоря в своих стихах: «каждый — кузнец своей судьбы». Это особенно справедливо по отношению к тебе, ибо ты уже настолько превзошел всех, что люди скорее устанут восхвалять твои деяния, чем ты совершать то, что достойно хвалы ⁵. Впрочем, все приобретенное доблестью, как и то, что добыто трудом или искусством, следует хранить с величайшей заботливостью, дабы оно не испортилось и не погибло вследствие небрежности. Никто не уступит власть другому по собственному желанию и как бы ни был добр и милостив (clemens) тот, кто стоит на вершине могущества, он всегда вызывает опасение тем, что может употребить свою власть во зло ⁶. Это происходит потому, что нередко власть имущие превратно судят об этом вопросе и считают свое положение тем прочнее, чем ничтожнее те, которыми они управляют. ⁴Но тебе, поскольку ты милостив и вместе с тем достаточно решителен, тебе следует стремиться к тому, чтобы управлять наиболее достойными, ибо на самом деле не способны подчиняться именно испорченные люди.

Тебе гораздо труднее, чем всем твоим предшественникам, воспользоваться плодами своей победы: ты вел войну мягче, чем поступают другие в мирное время, и вот теперь победители требуют награды, а побежденные — твои же соотечественники ⁷. Эти затруднения тебе следует разре-

¹ Развитие воззрений Саллюстия на роль и значение gloria. См. стр. 260, прим. 3.

² Ср. Epp., I, 8: «quae rei publicae necessaria tibi que gloriosa ratus sum, quam paucissimis absolvi».

³ Ср. с заключительными строками более позднего «Письма»: «relicuum est optare uti que tibi placuerint ea di immortales adprobent beneque evenire sinant» (Epp., I, 8).

⁴ Аппий Клавдий Цек (Caecus), цензор 312 г., консул 307 и 296 гг. Этот крупный государственный деятель ранней Римской республики считается у древних также первым римским писателем. Ему приписывались два прозаических произведения: речь против заключения мира с Пирром, произнесенная в сенате в 280 г. (Cic., Brut., 16; Sen., Epp., 114, 13; Tac., Dial., 18; 21) и юридический трактат «de usurpationibus», Dig., 1, 2, 36 (Pompl.). Кроме того, он считался автором собрания изречений, написанных сатурническим стихом и называвшихся sententia. Приводимое Саллюстием изречение входило в этот сборник.

⁵ Начиная с этой фразы и до конца главы — captatio benevolentiae. Ср. Epp., II, 1: «sed per ceteros mortalis illa res clarior est, quod prius defessi sunt homines laudando atque admirando munificentiam tuam quam tu faciundo quae gloria digna essent».

⁶ Общий контекст этой фразы (см. дальнейшее обращение к Цезарю) заставляет думать, что это не только общее рассуждение, но конкретный намек на самого Цезаря.

⁷ Так как смысл этой фразы не оставляет сомнений в том, что в ней идет речь о

шить и затем укрепить государство уже не силой оружия и не в борьбе против явных врагов, но, что гораздо важнее и гораздо труднее, разумными средствами мирного времени. Столь важное дело требует того, чтобы каждый в меру своих возможностей высказал о нем свое мнение. Что касается меня, то мне кажется, что в будущем все будет зависеть от того, как ты используешь результаты своей победы.

2. Мне хочется, дабы укрепить и облегчить твои решения, изложить в немногих словах то, что я думаю по этому вопросу. Ты вел войну, император, с человеком знаменитым, располагающим огромными средствами, жадным до власти, обязанным своими успехами скорее счастью, чем уму¹. К нему примкнули некоторые, настроенные к тебе враждебно, вследствие личных обид или те, кого он привлек благодаря родственным и иным связям. Он не допускал мысли о разделе власти с кем бы то ни было; если бы он согласился на это, то не к чему было потрясать вселенную войной². Масса же черни следовала за ним отнюдь не по убеждению, но по своей привычке идти за тем, кто впереди и кто в силу этого кажется толпе более опытным и сведущим.

В то же самое время, вследствие клеветы твоих врагов, люди, рассчитывающие на захват государственной власти, запятнанные позором и разложением, сбегаются и в твой лагерь. Они открыто угрожают мирным гражданам смертью, грабежами и всем тем, на что их наталкивает извращенный ум. Однако большая часть этих людей, видя, что ты вовсе не намерен оправдать их надежды и не обращаешься с согражданами как с врагами, уже схлынула; остались лишь немногие, для которых лагерь оказался более надежным убежищем, чем Рим — такая масса кредиторов им угрожала!³ Немыслимо и сказать, сколько людей по этим же причинам примкнуло к Помпею. Его лагерь стал для должников на все время войны как бы священным и неприкосновенным убежищем.

3. Теперь тебе как победителю следует решить вопрос о войне и мире: ты должен окончить первую, как подобает гражданину, и добиться самого справедливого и продолжительного мира. Но прежде всего размысли, какой образ действий является наилучшим для того, что ты намерен совершить. Что касается меня, то я полагаю, что жестокая власть скорее тягостна, чем продолжительна: ибо тот, кто внушает страх многим,

гражданской войне, то она может служить косвенным указанием для датировки этого, более позднего «Письма» к Цезарю (см. вводную статью).

¹ Имеется в виду, конечно, Помпей. Интересно с этими словами Саллюстия сопоставить характеристику, которую дает Помпею Марк в письме к Энгельсу от 27 февраля 1861 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 15): «Помпей же незаслуженно пошел в славу сначала благодаря присвоению успехов Лукулла (против Митридата), затем успехов Сертория (в Испании) и т. д., потом «young man» Суллы и т. д. Как генерал — римский Одилло Барро. Как только пытается показать в борьбе против Цезаря свои таланты — ничтожество. Цезарь делает ряд самых крупных военных ошибок, намеренно экстравагантных, для того, чтобы сбить с толку противостоящего ему филистера. Любой римский генерал, какой-нибудь Красс, уничтожил бы Цезаря шесть раз во время Эпирской войны. Мне кажется, что Шекспир, когда писал комедию «Love's Labour lost», имел уже некоторое представление о том, чем Помпей был на деле».

² Несомненный пакек на переговоры между Цезарем, с одной стороны, сенатом и Помпеем — с другой, перед началом гражданской войны и на компромиссные предложения Цезаря (Plut., Rom. 59; Caes., 80—91; Suet., Div. Iul., 29—30; App., BC, II, 32; Caes. (Hirt.), BC, VIII, 24; Caes., BC, I, 9; Cic., ad Att., VII, 8, 5; ad fam., XVI, 11, 2).

³ Здесь впервые звучит некоторая тревога относительно окружения Цезаря. Последующее сравнение с лагерем Помпея мало что меняет по существу. О мероприятиях Цезаря для разрешения долговой проблемы (Dio, XL, 51; Suet., Div. Iul., 38; 42) см. вступительную статью.

тот и сам многих страшится ¹. Его жизнь похожа на постоянную войну, ведомую с переменным успехом, опасности грозят ему спереди и сзади и со всех сторон, он постоянно в страхе и тревогах. Наоборот, те, кто пользуется властью умеренно и милостиво, для тех жизнь счастлива и радостна, и *они встречают* большую признательность среди врагов, чем иные среди сограждан. Но, может быть, меня упрекнут в том, что вышесказанным я хочу как бы уничтожить результаты победы и советую совершенно излишнюю снисходительность по отношению к побежденным? Но я полагаю, что согражданам следует предоставить то, в чем мы сами и наши предки не отказывали даже иноземным народам, нашим врагам по природе, и не следует, по обычаю варваров, воздавать убийством за убийство и кровью за кровь.

4. Разве уже забыто, сколько шума и возмущения вызывали перед нынешней войной и *Гней Помпей* и Сулланская победа? Домиций ², Карбон ³, Брут ⁴ и многие другие погибли не на поле брани и не в силу военной необходимости, но были злодейски умерщвлены безоружными и беззащитными уже после окончания войны. Римский же народ подвергся избиению в общественном парке, как скот ⁵. О, сколь эти тайные убийства граждан, внезапная резня, бегство женщин и отроков под защиту родителей, *или своих взрослых* детей, опустошение жилищ, сколь все это было ужасно и невыносимо, вплоть до того, пока ты не достиг победы. А некоторые и тебе советуют заняться тем же, словно борьба шла за то, кто из вас двоих ⁶ получит более неограниченную возможность вредить республике, словно государственная власть снова досталась тебе не по заслугам, а узурпирована тобою ⁷. Неужели лучшие граждане, заслуженные воины отказались бы от отдыха, после того как окончен срок службы? Неужели они подняли бы оружие против своих братьев, отцов и сыновей лишь для того, чтобы самые презренные из людей воспользовались несчастиями других как средством удовлетворения своего чревоугодия и самых низменных страстей? Неужели бы они подняли оружие, чтобы покрыть позором твою победу и запятнать доброе имя всех благонамеренных людей? Я полагаю, что от тебя не ускользнуло, каковы были нравы и поведение этих людей тогда, когда еще было неясно, на чьей стороне

¹ С этой фразы и до конца главы — в известной мере повторение мотива *captatio benevolentiae*. См. стр. 265, прим. 5.

² Очевидно, имеется в виду Гней Домиций Агенобарб, зять Цинны, приверженец Мария. При Сулле был в опале, в 82 г. в Африке начал военные действия против сулланцев, но был разбит Помпеем и погиб (Plu t., Pomp., 10; Val. Max., VI, 2, 8).

³ Очевидно, имеется в виду Гней Папировий Карбон, марпанец, консул 85 и 84 гг. Попытался организовать отпор Сулле во время его похода на Рим после окончания войны с Митридатом. В 83 г. изнужден был бежать в Африку, где попал в руки Помпея и по распоряжению последнего был казнен (Plu t., Pomp., 5—10; Cic., Sest., 3; ad fam., IX, 21; Arr., BC, I, 67—96).

⁴ Очевидно, Марк Юлий Брут, народный трибун 83 г., был видным марпанцем. Во время гражданской войны он руководил марпанскими войсками в Цизальпинской Галлии, воюя на стороне Лепида, но вынужден был сдать Помпею Мутину и по приказанию последнего был убит в 77 г. до н. э. (Plu t., Pomp., 16; Cic., ad Att., IX, Att., IX, 14; Arr., BC, II, 111). Он был отцом знаменитого Марка Юния Брута, одного из убийц Цезаря.

⁵ О каком избиении римских граждан говорит здесь Саллюстий — неясно (ср. с Ерр., II, 4, стр. 258, прим. 1). Едва ли здесь он имеет в виду известный факт массового избиения, организованного Суллой после победы у Коллинских ворот, поскольку последнее происходило в центре города у храма Беллоны (Plu t., Sulla, 27), причем избиению подверглись в этом случае главным образом самниты.

⁶ То-есть Помпей или Цезарь.

⁷ Очевидно, Саллюстий, желая здесь показать, что Цезарь отнюдь не узурпатор, хочет подчеркнуть то обстоятельство, что он и раньше занимал руководящие государственные посты и пользовался государственной властью.

окажется победа, и как некоторые из них в самый разгар военных действий занимались куртизанками и пирами, хотя их возраст делал подобные развлечения для них позорными даже и в мирное время. Но о войне сказано уже достаточно.

5. Что касается укрепления мира, о чем заботишься ты *сам* и все твои *единомышленники*, то, прошу тебя, сперва обдумай, каково то, о чем ты рассуждаешь; таким образом, отделив благие средства от дурных, открытым путем ты пойдешь к истине.

Я полагаю так: поскольку все рожденное на свет погибает, то римскому государству рок уготовал гибель в тот самый час, когда граждане поднимут руку на граждан¹; ослабшие и обескровленные, они станут добычей какого-либо царя или народа. В противном случае весь мир и все племена, собранные воедино, не смогут поколебать или уничтожить это могущество.

Итак, следует укреплять доброе согласие, а раздоры следует изгонять. Этого можно достичь, если ты обуздаешь неистовую расточительность и грабежи, однако не путем возврата к древним обычаям, которые уже давно, вследствие испорченности нравов, стали предметом насмешки², твердо установив, что пределом расходов каждого человека является его собственное состояние³.

Однако уже распространился такой обычай, что молодые люди почитают за особую доблесть растрачивать не только свое, но и чужое и не отказывать ни в чем как своим страстям, так и другим, просящим у них. Именно в этом усматривают теперь добродетель и величие духа, а стыд и скромность расцениваются как тупоумие. И вот такой необузданный дух, вступив на гибельный путь и ощутив недостаток в привычных уже средствах, бросается то на союзников, то на сограждан, колеблет устои и жаждет переворотов.

Поэтому ростовщик должен быть истреблен, чтобы впредь каждый из нас довольствовался только своим собственным состоянием. Это наиболее простой и верный, путь к тому, чтобы магистраты действовали в интересах народа, а не кредиторов (*ea vera atque simplex via est magistratum populo, non creditori gerere*) и чтобы величие духа проявлялось в умножении средств государства, а не в их уменьшении.

6. Я знаю, насколько суровой и тяжелой, особенно вначале, покажется эта мера и, в первую очередь, для тех, кто после победы рассчитывал на еще большую свободу и произвол, а отнюдь не на еще большую стесненность⁴. Однако если ты будешь иметь в виду их истинное благо, а не прихоти, то этим обеспечишь и для них и для нас, а также для союзников, прочный мир. Но если те же самые дурные привычки и склонности останутся у нашей молодежи и впредь, то твоя слава и доброе имя окажутся столь же недолговечными, как и самое существование города Рима.

Мудрые люди ведут войну ради мира, выносят труды и тяготы в надежде на отдых, — но если ты не добьешься установления прочного мира и спокойствия, то, собственно говоря, чем же тогда будет отличаться

¹ Т. е. предупреждение против новых гражданских войн и опасение их возможности.

² Данное рассуждение является зародышем Саллюстиевой теории упадка нравов, развиваемой им под влиянием Посейдония, главным образом в историческом эссе «Заговора Катилины» (Sall., Cat., 6—13).

³ С этого места начинается изложение и обоснование главного предложения Саллюстия в этом «Письме» — денежной реформы. Ср. Ерр., II, 7—8.

⁴ Здесь снова у Саллюстия дает себя чувствовать некоторая тревога по поводу окружения Цезаря. См. стр. 266, прим. 3.

положение победителей от побежденных? Поэтому, ради богов, прими на себя труд восстановления государства и, как ты это умешь, преодолей все препятствия (*quare capesse, per deos, rem publicam et omnia aspera, uti soles, pervade*)¹. Ибо только ты один в состоянии залечить его раны, и больше некому об этом позаботиться (*namque aut tu mederi potes aut omittenda est cura omnibus*). Тебя никто не призывает к жестокому казням и суровым приговорам, которыми, кстати говоря, государство скорее опустошается, чем восстанавливается, но твоя задача — удержать молодежь от гибельных страстей и наклонностей. В том и проявится истинное милосердие, если граждане не будут без вины изгоняться из отечества, если их удержат от глупостей и обманчивых наслаждений, если будут упрочены мир и согласие. Наоборот, снисходя к нашим порокам и проявляя терпимость к преступлениям, ты, может быть, доставишь нам этим минутную радость, но за нею вскоре последуют неисчислимые бедствия.

7. Что касается меня, то те начинания, которые страшат других, меня, наоборот, чрезвычайно воодушевляют. Я подразумеваю обширность и величие твоей задачи, поскольку тебе предстоит установить мир и спокойствие во всех частях государства. Гений, подобный твоему, не должен разменивать себя на малые дела, но велика награда за великие предприятия.

Итак, тебе следует принять меры, чтобы плебс, уже развращенный подкупам и хлебными раздачами, имел определенное занятие, которое не давало бы ему возможности участвовать в гражданских смутах (*igitur provideas oportet, uti plebs largitionibus et publico frumento corrupta habeat negotia sua, quibus ab malo publico detineatur*)² и чтобы наша молодежь стремилась не к богатству и расточительности, но к добропорядочной и полезной деятельности. Это произойдет лишь тогда, когда деньги (*si pecuniae*), которые и являются источником всех зол, потеряют свой блеск и значение (*usum atque decus dempseris*)³.

Нередко размышлял я о том, каким путем великие люди достигают славы (*nam saepe ego quom animo meo reputans, quibus quisque rebus clari viri magnitudinem invenissent*), как возвышались народы с помощью выдающихся правителей, какие причины влекли гибель обширных государств, и всегда приходил к выводу, что одни и те же добродетели или одни и те же пороки были причиной этих противоположных явлений: все вышедшие победителями из борьбы презирали богатства, все побежденные страстно стремились к ним⁴.

Да и как иначе человек может возвыситься и, будучи смертным, коснуться божества, как не презрев богатства и телесные наслаждения? Только посятив себя духовной жизни, не домогаясь превратных радостей, не уступая пагубным желанием, он может добиться этого путем постоянного упражнения в трудах, терпении, благих начинаниях и отважных подвигах.

8. Ибо соорудить дом или виллу, украсить ее статуями, пурпуровыми покрывалами и другими произведениями искусства или роскоши и допустить, что все это будет заслуживать большего внимания, чем ты сам, это значит владеть богатствами не к своей чести, но самому быть, благо-

¹ С этой фразы и до конца главы — слова *captatio benevolentiae*.

² Ср. с утверждением, высказанным в раннем «Письме» (Ерр. II, 5), о неспособности народа «*ad capessendam rem publicam*» (см. также стр. 259, прим. 1 о занятии плебса *bonis negotiis* (см. Ерр., II, 5).

³ Ср. «*si studium pecuniae aut sustuleris aut quoad res feret, minueris*» (ср. II, 7) и «*ergo in primis auctoritatem pecuniae demito*» (там же).

⁴ Ср. с Ерр., II, 7: «*saepe iam audivi, qui reges, quae civitates et nationes per opulentiam magna imperia amiserint, quae per virtutem inopes ceperant*».

даря им, выставленным на позор. И те, у кого существует обычай дважды в день отягощать свой желудок, не проводить ни одной ночи без блудниц, те свой дух, которому надлежит господствовать, поработили телу¹. Напрасно захотят они в дальнейшем воспользоваться им, уже шатким и ослабевшим, чтобы заставить его служить себе. Так, в своем неразумии они опрометчиво губят и себя и все, что их касается. Впрочем, эти явления, равно как и всякое иное зло, искоренятся одновременно с почитанием денег, если магистратуры и все то, чего жаждет чернь, перестанет быть продажным².

Кроме того, тебе следует позаботиться о том, чтобы обезопасить Италию и провинции, а то, что именно здесь нужно делать, совершенно ясно. Ибо все опустошают одни и те же люди, которые бросают свои дома и несправедливостью захватывают чужие. Нельзя допустить, как это существует, несправедливости и неравномерности сроков военной службы: тогда как одни служат тридцать лет, другие вовсе избавлены от нее. Хлебные раздачи, которые раньше были наградой за праздность, следует проводить по муниципиям и колониям для тех, кто, выслужив свой срок, возвратился домой.

Таким образом, я изложил, как можно короче, свои соображения относительно того, что принесет государству пользу, а тебе — славу (*quae rei publicae necessaria tibi que gloriosa ratus sum, quam paucissimis arsolvi*). Теперь, кажется, будет уместно сказать несколько слов, почему я так поступил.

Большинство смертных имеет или делает вид, что имеет, достаточно данных для осуждения других; поистине, все пылают желанием порицать чужие поступки или слова; иногда кажется, что самый язык не настолько подвижен, чтобы выразить все то, что готово вылететь у них из груди. То, что я подставляю себя этим людям как бы в качестве мишени, меня не беспокоит, я более сожалел бы о невозможности высказаться. Изберешь ли ты этот, намеченный мной, или иной и, быть может, лучший путь, — это твое дело³, но я считал своим долгом подать тебе совет и оказать помощь по мере своих сил. Остается только молить бессмертных богов, чтобы они благословили твои начинания и привели их к благоприятному концу (*relicuum est optare uti quae tibi placuerint ea di immortales adprobent beneque evenire sinant*).

¹ Здесь Саллюстий впервые высказывает свое мнение о приоритете души над телом. Этот тезис подучает дальнейшее развитие в просемиа к «Заговору Катилины» и «Югуртинской войне» (ср. стр. 262, прим. 3).

² Заключение рассуждения о вреде богатства и денег, а также изложения проекта «денежной реформы». Далее Саллюстий суммарно перечисляет проекты «частных реформ»: меры по безопасности Италии и провинций, упорядочение сроков военной службы, изменение порядка хлебных раздач. В данном «Письме», по сравнению с основным проектом денежной реформы, это, несомненно, частные, текущие мероприятия.

³ С этой фразы и до конца «Письма» заключительная *captatio benevolentiae*. Ср. с заключением более раннего «Письма».